

М. ГОРЬКИЙ И ДЕТВОРА.

I

У Горького среди его солнечных «Сказок об Италии» имеется прекрасный рассказ о том, как жители Генуи, среди которых большинство было из рабочих, радостно встречали приехавших детей из Пармы. Они пригласили их к себе на время, всех разобрали по своим семьям, пока их отцы и матери бастуют, борются в долгой схватке с капиталом. Чувство солидарности, товарищества, взаимопомощи, — все это слилось в великий восторг при виде приехавшей денюжки, изнуренной, голодной, в лохмотьях. Громит музыка, летят цветы, раздаются восторженные голоса: — «Viva il socialismo!» «Evviva Italia!» При описании этой радостной минуты у Горького срываются радостные крики: «все стало праздничным, все оживило, и серый мрамор расцвел какли-то ярким пятном».

Если «серый мрамор расцвел», то как же могав не расцвести сердца генуэзцев. И она расцвели, охваченные великой радостью. Вот «высокий человек в кожаном переднике, с голыми, огромными руками» держит на плече девочку и говорит рядом идущей с ним женщине: «Понимаешь, если это прильется... Нас трудно будет одолеть, а?»... И густо, громко, торжествующе хохочет и, подбрасывая свою маленькую ношу в синий воздух, кричит: «Evviva Parma...а!».

Этой живой, пылкой, жизнерадостной детворе Горький посвятил ряд страниц в «Сказках об Италии».

«Дети будут лучше нас и жить им будет лучше», — так он заканчивает сказку о шустром мальчишке Пепе. «Детский смех — это лучшая музыка земли», и этим детским смехом, детской игрой Горький утешается в рассказе под рождественскую ночь (XXI).

И не только в «Сказках об Италии», не только под старость лет видна любовь Горького к детям, но в течение всей его 35-летней литературной деятельности мы наблюдаем повышенный интерес Горького к детям и восторг перед ними. Он хорошо понимает психологию детей, умеет ее передавать художественными красками. Его «Детство» и «В людях» — лучшее доказательство этого глубокого понимания. Прекрасные страницы детворе посвящены в «Исповеди», и у героя этого произведения — Матвея вырываются слова: «что каждый из детей по своему мудрец, все больше они занимают меня, все чаще я думаю о их судьбе. Чем заслужили дети тяжелую, обидную жизнь, которая их ждет?» Матвей только на Урале, среди заводских рабочих и их детей, понял, что «дети по своему мудрецы», а уж автор «Исповеди» с детства задумывался над судьбой детей, и на себе испытал весь тернистый путь, который выпадает на

долю детей бедняков. Он хорошо помнит, как дед засек его до потери сознания за поруч скатерти, так что пылливому Аленутке пришлось прохворать несколько дней, и недаром его болезнь явилась важным моментом его жизни. «Дни нездоровья были для меня большими днями жизни, говорит Горький в «Детстве». В течение их я, должно быть, сильно вырос и почувствовал что-то особенное. С тех дней у меня явилось беспокойное внимание к людям, и, точно мне содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чувствительным ко всякой обиде и боли, своей и чужой». Вот это-то «обнаженное» сердце Горького, по моему, особенно чувствительно к горю и радостям детворы. Здесь хочется напомнить ряд фактов из нижегородского периода жизни М. Горького, с 1896 по 1905 г., которые убедительнее всего покажут, что не только на словах, но и на деле Горький любуя и любит детворе, нашу надежду и наше счастливое будущее.

II.

Одним из крупных явлений покорности детям — является устройство Горьким общественных слоек для детей самых бедных классов населения. Это было в зиму 1899—1900 г. Он с кружком единомышленников собирает пожертвования, обходит кварталы голытьбы, выясняя их настоящие нужды, и в результате свыше 500 детей получают не только радостный отдых на ярко освещенной елке, но и существенный подарок вроде валенных сапог, полушубка и т. д. Скиталец в рассказе «Метеор» подробно описывает горьковскую елку, как крупное общественное явление местной жизни. Горький в статье «Нетто о елке» («Нижегородский Листок» 1900 г. № 9), так описывает этот праздник: «Много было хорошего на этом славном детском празднике, много такого, что умиляло душу, много трогательно-детского, по-детски чистого и naïвногo, по-детски смешного». Но от радостных картин автор тотчас же переходит к грустным размышлениям и вскрывает печальную сторону вопроса: «Подумайте, господа, ведь эти 500 детей, быть может, одна десятая всех получивших ребятшек нашего города. И, подумайте, что их ждет в будущем? Они будут пьющими, по примеру родителей, они едва-ли будут когда-либо полезными членами общества. Нет, вероятно, они будут членами колонии малолетних преступников. Счастливейшие из них умрут от истощения, от заразных болезней, от побоев пьяных отцов. Огромное большинство из этой массы детей направлено и едва-ли получает возможность научиться грамоте — уж по одному тому, что им не в чем ходить в школу, не на что купить книги и, наконец, потому, что те из них, которые постарше, являются работорговцами чуждыми семьям — няньками и домашними рабами старых маляков и бродягов... Такому жуткому картину рисует Горький, но не мирится с этим поскользком и ищет выхода. В конце статьи он предлагает организовать участковые попечительства. «А нужно организовать правильную помощь,

правильную и солидную. Городу окончательно необходимо устройство участковых попечительства о бедных и выработать широкий план помощи беднякам, и главное — их несчастным и голодным детям». Такие попечительства, конечно, не разрешают вопроса, но в условиях буржуазного общества эта мера была шагом вперед на пути в заботах общества о бедных детях.

В ноябре месяце 1900 года появляется новое воззвание Горького: «Елка». Подготовка началась заблаговременно, ей был придан плано-организационный характер. В этой статье Горький писал: «В этом году мы организуем сбор пожертвований немного раньше, дабы устроить елку, во-первых, для большого количества детей, во-вторых, — без суматохи и усталости. Желательно собрать на елку 1000 детей, самых обездоленных, не участвующих ни в каких других елках, вроде школьных. Дети будут собраны с окраины в возрасте от 6 до 12 лет. Хотелось всем им дать какой-либо существенный подарок и устроить хороший, радостный день для них... Елка 1901 года была еще грандиознее и прошла с громадным успехом. Несколько лет подряд нижегородцы продолжали устраивать подобные елки и без Горького.

Принимает близкое участие Горький и в секции гигиены воспитания, руководимой доктором Грациановым. Секция устраивает на Звездинском пруду (теперь не существующем) каток для детворы, и вот в № 342 за 1899 г. «Ниж. Лист.» появляется заметка Горького: «На бесплатном катке»: «Вчера нижегородский катколюб и голубоглазый радостный народ шумно и весело отпраздновал открытие бесплатного катка, устройства для него сокращенной программы воспитания». Сейчас же Горький зарисовывает и ряд картин катколюбца камигулов: «Маленький, полжесткий господин, лет сорока от роду, одетый в красную рубаху и курточку, шинтую из разнообразных дыр, без пуговиц, привязал к своим валенным сапогам некие две железных мешины и, взяв на ходу сапоги двумя ногами, вышел из тугаши на лед, причем сейчас же волат на четвереньки, довольно оглушен публикой и радостно воскликнул: «По-о-о-о-о-о-о!... А в глазах у него столько удовольствия, точно он был всегда сыт, тепло одет и дома его никогда не болотили».

Видя эту исключительно радость катколюбца детворы, Горький опять говорит, что нельзя удовлетворить всех желающих. У секции всего 30 пар коньков. И вот Горький прибегает к печатному слову и призывает помочь детям. «Нет ли у кого старых коньков? Или не найдется ли людей, которые дали бы на коньки? В этом мало пользы? О, да! Но в этом много удовольствия и радости для детей и, право, не грех доставить им, жителям тесных чердаков и сырых подвалов, возможность покатались по льду на чистом зимнем воздухе»...

Внес свою лепту Горький и в другие начинания секции. Особенно надо отметить его участие в работах по

детским библиотекам. Седмичи удалось вскоре открыть детскую библиотеку с читальней, где нижегородская детвора, главным образом, беднота, могла получить хорошие книги для чтения. Горький жертвовал в это симпатичное и нужное дело в деньги и книги. В «Трудах» седмичи говорится: «На устроительство детской библиотеки А. М. Пешков пожертвовал 250 руб., Е. П. Пешкова—50 руб.». На стр. 32 тех же «Трудов» (1906 г.) напечатано: «Особую серьезную помощь оказал А. М. Пешков, на свои средства выплавивший для библиотеки детские журналы и приславивший осенью 1905 г. (когда он уже не жил в Нижнем-Новгороде. Прим. А. С.) книг на 100 р.». Как известно, данная библиотека секции в целом вошла и образовала фонд детской библиотеки при нашей центральной имени Ленина библиотеке. Краснеческое общество возбуждает пред губ. горьковским комитетом ходатайство о присвоении этой детской библиотеке названия—имени Горького.

В связи с вопросом о детской библиотеке, М. Горький поднимает вопрос о наглядных пособиях для школьников начальных школ. Наглядные пособия тогда были доступны только богатым, привилегированным учебным заведениям, а печальные школы, в большинстве случаев, обходились без них. В статье «Вниманию местных дам» автор затрагивает этот вопрос и обращается к дамам с просьбой откликнуться на призыв. «Одним из крупных недостатков наших городишек и сельских школ является отсутствие учебных по-

собий—примет Горький. Частный опыт учительниц в некоторых школах доказывает, что роль учебных пособий с успехом могут играть картинки из иллюстрированных изданий, изображающие жизнь и типы животных и людей, разные местности земного шара, образцы архитектуры». Он советует вырезывать картинки, наклеивать на картон и передавать в нуждающиеся школы. И здесь Горький своевременно подошел и кликнул клич на помощь нуждающимся школьникам.

Раздается голос Горького и против чрезмерной эксплуатации детского труда былыми филантропическими учреждениями. Им была написана статья в 1896 г. по поводу труда в филантропических учреждениях и против демонстрированного—цельными днями оркестра малышей на всерос. выставке. Горький писал «Само собой разумеется, что по существу дела я не против применения труда в благотворительности.—конечно, нет; я только против пересела, живно бросающего я в глаза при обзоре деятельности филантропических учреждений. Я далек от сомнения в облагораживающем значении труда для преступников, но полагаю, что он излишен и слишком тяжел для детей, старцев и увечных».

Эти факты с очевидностью говорят, что «обнаженное» сердце М. Горького чутко прислушивалось к нуждам, горю и радостям детвора и делало все, чтобы облегчить и скрасить их суровую жизнь

А. СВОБОДОВ.